

0649
Кн-712

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ
КАЗАХСТАНА
И ВОСТОЧНОГО
ТУРКЕСТАНА

15

АЛМА-АТА · 1962

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
имени Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ТОМ 15

06+9

ки-712

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
КАЗАХСТАНА И ВОСТОЧНОГО
ТУРКЕСТАНА

20324

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА — 1962

Предлагаемый вниманию читателей том «Трудов» написан коллективом научных работников Отдела древней и средневековой истории и Отдела истории сопредельных стран зарубежного Востока Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.

Авторы поставили задачу осветить ряд малоизученных вопросов истории Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики.

Хронологически сборник охватывает период с древнейших времен до 40-х годов XX века. Здесь представлены статьи и сообщения о социально-экономических отношениях казахов, о взаимоотношениях России с казахскими племенами, о связях Китая с племенами и народами Средней Азии и Казахстана, о политической истории уйгуров в XII—XIV вв., о политике цинского правительства в Синьцзяне. Объединяя в одном томе работы по истории Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, редколлегия исходила из того, что в своем историческом развитии народы этих территорий были взаимно связаны и в их исторических судьбах было много общего.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных факультетов университетов и институтов, а также всех интересующихся историей Казахстана и сопредельных с ним территорий.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Ф. Шахматов, Т. Ж. Шоинбаев, В. С. Кузнецов.

СТАТЬИ

В. Ф. ШАХМАТОВ

**О ПАСТБИЩНО-КОЧЕВОЙ (ЗЕМЕЛЬНОЙ) ОБЩИНЕ
У КАЗАХОВ**

В данной статье освещается вопрос о земельной общине у казахов (называемой в литературе земельной, сельской, соседской, деревенской, поземельной и т. д.) в условиях патриархально-феодалных отношений и кочевого скотоводства и ее основных признаках. К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии», что «сельская община с общим владением землей является и являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии»¹.

В эпоху феодального строя земельная община была неизбежным явлением для всех народов, но формы ее были в разных местах различны. Было бы ошибкой не замечать специфики, например, индийской общины, так хорошо описанной Марксом, и ее отличий от русской общины или русской общины — от западноевропейской и т. п.

Община, возникшая на территории Казахстана в условиях господства кочевого скотоводства, в иной географической и природной среде, несомненно, отличалась как по формам, так и по степени развития от общин Запада и оседлых стран Востока.

Вопрос об общине у кочевников, в частности у казахов, бурят и других, неоднократно затрагивался в дореволюционной историографии. Русские ученые, изучавшие хозяйство казахов, ставили перед собой задачу выяснить, есть ли земельная община у кочевников и каковы ее формы. Этот вопрос освещался, например, в исследованиях А. А. Кауфмана, Л. Чермака, статистиков из группы Ф. Щербины и П. П. Румянцева, В. Кузнецова, обследовавших казахское хозяйство, а также в многочисленных статьях других исследователей.

Из всех дореволюционных исследований наибольший интерес представляют две работы А. А. Кауфмана — «К вопросу о происхождении русской земельной общины» и «Русская община в процессе ее зарождения и роста»².

Как свидетельствуют заголовки, эти работы посвящены русской общине. Но фактически обе, в особенности вторая, содержат богатейший материал по вопросу о земельных отношениях, о землепользовании у казахов и о казахской общине, ее эволюции и разложении. Работы основаны на данных группы Щербины, а также на исследованиях, проведенных самим А. А. Кауфманом. Материалы по Казахстану автор

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, М., 1955, стр. 424.

² А. А. Кауфман. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907; его же. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.

использовал для того, чтобы проследить, на основе данных о казахской общине, происхождение и эволюцию русской общины.

Надо сказать, что часть дореволюционных исследователей недостаточно понимала земельные отношения у казахов — на казахскую общину они механически переносили признаки и особенности русской земельной крестьянской общины.

Среди русских дореволюционных исследователей не было единства во взглядах на общину у казахов. Особенно много было разногласий в определении самой общины. Некоторые исследователи отрицали наличие земельной общины у казахов-кочевников, иные же, наоборот, признавали ее существование, но отмечали ее отличие от земельной общины оседлых крестьян-земледельцев.

Известный исследователь казахского хозяйства Ф. Щербина и группа работавших с ним статистиков считали, что у казахов существуют общинные и общинно-земельные группы как союзы, объединяемые общностью владения и пользования перезимовочными угодьями и, как правило, состоящие из нескольких селидебных групп хозяйственных аулов. Другой исследователь казахского хозяйства — Л. Чермак также признает наличие земельной общины у казахов.

«Киргизская земельно-родовая группа, — пишет Л. Чермак, — имеет много общего с сибирской сложной общиной: как эта последняя, будучи связана общностью владения известной территорией, представляет в своих внутренних поземельных отношениях самые разнообразные комбинации, так точно и киргизское землепользование можно рассматривать как ряд сложных общин, объединенных общностью пользования летовочными угодьями»³.

П. П. Румянцев дал такую характеристику казахской общине:

«Не составляя единой и замкнутой группы хозяйств, пользующихся совместно всеми угодьями, киргизская община должна быть сконструирована как многоэтажный социальный организм, где меньшие группы хозяйств, вместе пользующихся одним или несколькими видами угодий, концентрически входят в большие, причем как каждая из групп, так и вся эта сложная организация построена по родовому принципу»⁴.

А. А. Кауфман, наоборот, писал, что определение Ф. Щербиной «общинно-земельных групп» как общин является неверным, так как эти хозяйственные группы не имеют ни одного из двух основных признаков, характеризующих общину как единицу землевладения и землепользования: ни обособленности во вне, ни единства внутри; владения одной группы сплошь и рядом не ограничены не только искусственными, но даже и условными границами от владений других соседей, а внутри такого рода групп, скорее в виде общего правила, чем в виде исключения, встречается раздельность пользования всеми или по крайней мере некоторыми угодьями⁵.

Отсюда А. А. Кауфман делает заключение, что земельная община у кочевников отсутствует, а все попытки установить понятие казахской общины или вообще общины у оседающих кочевников являются несостоятельными в связи с тем, что «общины как замкнутого во вне и объединенного внутри земельного союза у бурят и у киргиз в действи-

³ Материалы по киргизскому землепользованию. Каркаралинский уезд. Спб., 1905, стр. 44.

⁴ Материалы по обследованию Семиреченской области. Верненский уезд. Спб., 1913, стр. 121.

⁵ А. А. Кауфман. К вопросу о происхождении..., стр. 27.

тельности еще вовсе не существует»⁶. Он находит, что у казахов только лишь началось сложение общины в связи с переходом к оседлости и развитием сенокосения и хлебопашества.

В некоторых работах земельной общиной признается хозяйственный аул, в других — аул административный, в третьих — род, иногда — аул, находящийся на кстау.

В современной историографии вопрос о казахской земельной общине был затронут в 2—3 работах, причем в некоторых из них делается попытка дать определение этой общины и ее отличий от общины крестьянской.

Характеристика земельной общины дается в вводной статье справочника «Весь Казахстан», автором которой был Е. Г. Федоров, написавший в 20—30-х годах несколько работ по истории Казахстана конца XIX — начала XX в.

«Родовой земельной казахской общиной,—пишется в этой статье,— как это ясно из факта общинного землепользования в течение круглого года, следует признать ту группу хозяйств (преимущественно байских, владеющих кочевым скотом—овцами, верблюдами, лошадьми), которая на деле фактически пользуется этими землями. А так как круг хозяйств, пользующихся летними пастбищами, значительно уже круга хозяйств, пользующихся коктеу и кузеу (весенне-осенними пастбищами), и еще уже круга хозяйств, пользующихся джайляу (летними пастбищами), то, естественно, определение родовой земельной общины следует вести от аула-джайляу. При этом, конечно, нельзя смешивать с этой единицей и включать в ее понятие, как начальной ячейки родовой земельной общины, все те другие аулы, которые прикочевывают на общее кузеу, коктеу и джайляу и вместе с ними образуют более общую родовую земельную общину»⁷.

Другой работой, где давалась характеристика общины, была «История Казахстана», т. I, С. Д. Асфендиярова, вышедшая в 1935 г. В ней писалось: «Казахская община была феодально-родовой, в общих чертах отражающей ту же социальную сущность, что и русская община, однако со своими особенностями, вытекающими из местных условий. Именно благодаря основе хозяйства — кочевому скотоводству — мы имеем мелкородовое хозаульное расселение, где земля имеет значение в связи с размещением и кормом, выращиванием скота. Кроме того, общинные пережитки так же, как и в русской деревне служат источником эксплуатации и кабалы (у русских — помещиками, у казахов — баями)»⁸.

В конце раздела о землепользовании у казахов до революции автор уточняет свою характеристику казахской общины:

«Родовая община является феодально-патриархальной общиной (полуфеодально-крепостнического, полуродового типа) с своеобразными земельными распорядками, основанными на захватном праве на землю»⁹.

Нужно сказать, что при изучении вопроса о казахской земельной общине историков того времени больше интересовал вопрос о разложении казахской общины под влиянием капиталистических отношений, чем выяснение ее характера и содержания.

Вопрос об общине затрагивался в вышедшей в 1958 г. книге С. З.

⁶ Там же, стр. 28.

⁷ Указ. работа, стр. 32.

⁸ С. Д. Асфендияров. История Казахстана. Т. I. Алма-Ата, 1935, стр. 187.

⁹ Там же, стр. 199.

Зиманова «Общественный строй казахов в первой половине XIX в.»¹⁰. Автор считает, что «казахское общество состояло из системы аульных общин». Но говоря об этой аульной общине на 15 страницах книги, автор в то же время пишет, что община якобы не имела земель, «принадлежавших ей в качестве общинной собственности», не имела она и «права общинного землепользования». Земля находилась в частной собственности феодалов. Общинный характер аулов, да и то «с внешней стороны», по мнению автора, проявлялся лишь «в совместном кочевании групп скотоводов».

Итак, казахская аульная община, по С. З. Зиманову, не знала ни общинного землепользования, ни общинного владения землей, т. е. не имела основных признаков общины.

Автор фактически отрицает ее существование. Объясняется это тем, что он исходит, вопреки фактам, из неверного утверждения, что вся земля в Казахстане была частной феодальной собственностью.

В других работах по истории Казахстана, вышедших в последнее время, вопрос об общине или совсем обходится, или же если о ней и говорится, то при этом не вскрываются ни содержание общины, ни признаки, ни специфические черты, отличающие ее от крестьянской оседлой общины.

В период с IV в. до н. э.—первые века н. э. развивается скотоводство, которое постепенно превращается в кочевое. Этот переход к кочевому скотоводству происходит на обширных степных пространствах повсеместно — от Урала и Каспийского моря до Ордоса. Конечно, этот переход совершался постепенно, различными темпами в разных районах, причем в зависимости от географических условий, в этих районах складывались различные формы скотоводства, которые определяли состав стада и основные виды разводимого скота. В степных районах и полупустынях племена в течение круглого года передвигались со стадами (состоящими из верблюдов, лошадей и овец) с места на место, в предгорьях, на стыке гор со степью, род или племя летом пасло стада на горных пастбищах, а на зиму возвращалось к своим зимним стоянкам, где находились примитивные жилища. В данном случае скотоводы почти не имели верблюдов. Это было в основном яйлажное скотоводство. Возникали и другие формы скотоводства, предшествующие кочевому, например, отгонное, и формы, близкие к кочевому.

Нас интересует в разбираемом вопросе не полукочевое, а кочевое скотоводство.

На заре кочевого скотоводства, когда кочевники имели в своем распоряжении большие необжитые земельные пространства, не было собственности на землю, даже родовой.

Маркс писал о кочевых скотоводческих народах:

«У кочевых пастушеских племен, а все пастушеские племена первоначально кочевые, земля, наравне с прочими природными условиями, представляется в своей первичной неограниченности, например, в степях Азии и на азиатском плоскогории. Ее используют как пастбище, на ней кормят стада, которыми в свою очередь существуют пастушеские народы. Они относятся к земле, как к своей собственности, хотя никогда не фиксируют этой собственности. У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников, караван, орда и формы субординации развиваются из условий этого образа

¹⁰ С. З. Зиманов. *Общественный строй казахов в первой половине XIX в.* Алма-Ата, 1958, стр. 69—84.

жизни. Присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют сообща»¹¹.

Как видно отсюда, Маркс, давая определение первобытной общине, прямо указывает на отсутствие собственности на землю у кочевых народов на заре их существования.

Первобытно-родовая община является неотъемлемым атрибутом первобытно-общинного строя. В основе ее, как известно, лежит коллективный труд, коллективная собственность, совместные (родовые или многосемейные) жилища и т. п. Эта первобытно-родовая община не знает еще земельной собственности. Здесь нет земельной общины. Она возникает позднее, в процессе разложения первобытно-общинного строя, при развитии производительных сил на основе развития земледелия, при возникновении земельной тесноты. Хотя родовая община исчезает с образованием классовых отношений, но отдельные ее элементы, проявляя живучесть и приспособляясь к новым классовым условиям, продолжают существовать и в классовом обществе, как пережиток (или как уклад) предыдущего общественного строя. Некоторые элементы первобытно-родовой общины в условиях феодализма стали составной частью земельной (сельской, соседской) общины, в том числе и слагающейся земельной общины у кочевников.

Земельная община является продуктом феодальной эпохи и исчезает тогда, когда исчезает феодализм и возникают развитые капиталистические отношения. Но и при капитализме земельная община может продолжать свое существование, как пережиток предыдущей эпохи, подвергаясь неуклонному разложению при переходе крестьянского хозяйства к фермерскому.

Мы сделали это отступление для того, чтобы отделить эти два социально различных понятия — общину первобытную и общину земельную, которые у читателя могут ассоциироваться.

Итак, в условиях беспрестанных передвижений с места на место в поисках воды и травы роды и племена использовали пастбища временно, не присваивая их.

Как известно, в этот период на огромных пространствах происходили массовые миграции племен. Они известны в литературе, как «великое переселение народов». Это движение племен с востока на запад, начиная с гуннов и усуней, было связано именно с тем, что в этот период происходило окончательное становление кочевого скотоводства, как господствующего занятия людей того времени. Массовые передвижения людских коллективов (родов, племен и племенных объединений) были связаны с увеличением населения и поголовья скота, что требовало освоения новых пастбищ. Это была «вынужденная эмиграция» скотоводческих племен.

Маркс по этому поводу пишет:

«...Давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства. Здесь под другою внешнею формою действовала та же причина, только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины: их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как-то имеет место еще поныне у индийских

¹¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Из неопубликованных рукописей К. Маркса. «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 164—165.

племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствования...»¹²

Специфика кочевого скотоводства требовала обширного пространства земли для прокормления стад. Любое пастбище, какого бы оно размера не было, без применения естественных наук (повышения урожайности трав, травосеяния и т. д.) могло прокормить только какое-то определенное количество скота, но не больше. Без применения естественных наук к материальному производству увеличение продуктивности пастбищ было невозможно. К тому же прокормление скота на том или ином пастбище во многом зависело от климатических условий, определявших состояние травяного покрова. Кочевые степи периодически подвергались летом неурожаям трав, зимой — большим снегопадам, гололедице и т. п., которые приводили к большому падежу скота. Неурожай трав, так же как и другие стихийные бедствия, заставляли кочевников двигаться в поисках новых пастбищ.

Таким образом, как только увеличивалось население и его стада, — сокращалась площадь производства (пастбища), и избыток населения давил на производительные силы, что приводило к тому, что избыточное население со своими стадами вынуждено было пускаться в «великие сказочные странствования».

Из истории древнего Казахстана мы знаем такие передвижения отдельных племен и племенных объединений, продолжавшиеся десятилетия, когда эти племена проходили расстояние в тысячи верст — от Ордоса до Семиречья и плоскогорий Памира, от Алтая до Причерноморских степей, вытесняя аборигенов, которые под их натиском в свою очередь двигались на запад.

Но говоря о массовых передвижениях племен, надо учесть, что уходило на новые земли не все племя (или союз племен). Какая-то часть племени кочевников оставалась на старых землях, используя лучшие пастбища. Они теряли связь со своими единоплеменниками, приобретали впоследствии иные языковые и этнические черты, смешиваясь с другими племенами, приходившими на их территорию, дробились, расселялись и т. д.

Очевидно, в этот период длительных передвижений (в одном направлении) и возникла своеобразная форма передвижного жилища — кибитка на колесах, которая была очень удобна для жизни кочевника, не знавшего длительных стоянок на одном месте. Восточные источники отмечают наличие кибиток в средневековье (до XVI в.), но возникли они, конечно, раньше. Передвижение производилось не только в теплое время года, но и зимой, как можно судить по позднейшим источникам XVI в.

В этих условиях длительных передвижений кочевников исключалась возможность присвоения земли в собственность рода, общины. Земля использовалась сообща на каждом новом месте стоянки. В это время у этих племен не могло быть земельной общины, общинной земельной собственности или землевладения.

По мере того, как то или иное племя или род прекращало свое движение и основывалось на одном месте, возникала определенность в использовании пастбищ; земля могла считаться принадлежащей роду до тех пор, пока на ней находился его скот, поедавший траву. Когда скот перегонялся на другое пастбище, прежнее оставалось свободным от

¹² К. Маркс. Вынужденная эмиграция. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 278—279.

власти рода. Для кочевника в этом сезоне оно уже не имело ценности, так как травяной покров на нем был уже скормлен скоту.

Но со временем, по мере того, как увеличивались стада и население на данной территории, опять сужалась площадь производства и снова требовалось ее расширение. Это было основным диалектическим противоречием в развитии кочевого скотоводческого общества. До тех пор, пока пастбищ было достаточно и ничто не ограничивало переход на новые свободные земли, это противоречие проявлялось не сильно, но со временем возникло такое положение, когда при движении одни племена сталкивались с другими, тоже кочевыми племенами и вынуждены были расширять свою площадь производства за счет захвата ее у других родов и племен. Борьба за пастбища между родами и племенами на заре развития и становления кочевого скотоводства была основным событием их истории.

Итак, в эпоху движения кочевников на запад и освоения новых территорий, населенных племенами, которые не перешли к кочевому скотоводству, нельзя говорить об общинном владении или собственности на землю. Земля — пастбища — «использовались сообща на каждом новом месте стоянки», затем племя уходило на другие земли, которые также оставляло после истребления скотом травы.

Постепенно, в условиях естественного сокращения пастбищного пространства, возникало стремление племен к использованию одних и тех же пастбищ, сначала вообще в течение года, а затем по сезонам, но разными родами и группами. Так в некоторых районах начинала складываться пастбищно-кочевая система, т. е. чередование в использовании пастбищ по сезону, которая постепенно усложнялась за счет образования промежуточных весенних и осенних пастбищ, определенных для каждого рода, пока этот род кочевал на данной территории. Это была первичная форма родового землепользования, не усложненного какими-либо дополнительными условиями ее использования между отдельными членами рода и семейными ячейками.

Разделение на зимние и летние пастбища, как считают археологи, появилось у усуней в Семиречье на рубеже нашей эры, во всяком случае, у усуней, живущих в бассейне р. Или, хотя китайские источники не отмечают у них посезонного использования одних и тех же пастбищ и утверждают, что стада их перегонялись «вслед за травой и водой». К сожалению, древние оседлые стойбища в предгорьях Алатау археологами еще не исследованы, хотя и зафиксированы. Возможно, в дальнейшем и будут найдены оседлые зимники усуней, тогда представится возможность говорить о наличии у них (или у части усуньских племен Семиречья) отгонного или яйлажного скотоводства.

Но если такие формы скотоводства в этот период существовали в районах, близких к горам, где находились тучные летние пастбища для овец, то в Центральном Казахстане, в Приуралье, в приаральских и прикаспийских полупустынях было кочевое скотоводство без постоянных и сезонных пастбищ (летних, осенних, зимних и весенних), что отмечалось здесь и значительно позднее.

Вопрос о времени и местах возникновения кочевого скотоводства и формах скотоводческого хозяйства в древности почти совсем не изучен, и пока трудно что-либо сказать определенное в этом отношении¹³.

Несомненно, что сами формы скотоводческого хозяйства в какой-

¹³ См.: С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства у кочевников. Материалы по этнографии. Вып. 1. Доклады за 1958—1961 гг. по отделению этнографии Геогр. об-ва СССР. Ротапринт. Л., 1961, стр. 1—15.

то степени влияли на сложение форм общинного землепользования и на отношение к земле вообще, в особенности в период сложения кочевой системы с сезонным использованием пастбищ.

За последние годы, в связи с обсуждением вопроса об основах феодальных отношений у кочевников, в отдельных работах историков отрицается общее пользование (рода, племени) пастбищами в древности у кочевников. Чтобы подтвердить это обычно ссылаются на отмеченное китайскими хрониками запрещение народу пользоваться отдельными урочищами и пастбищами, которое устанавливали беки и ханы.

В одной из китайских хроник рассказывается о том, что глава усуней гуньмо (великий бек Цили-Ми) в первом веке до н. э. «обнародовал, чтобы никто не смел пасти свой скот на его пастбищах». Известен также другой факт, когда один из тюркских каганов в 630 г. имел в своем пользовании в Семиречье урочище Мынг-Булак, где летом паслись его стада.

«Он выпустил указ, — пишет китайский путешественник Сюань-Цзянь, — где сказано, что всякий, кто посмеет убить хотя бы одного оленя, — будет предан смерти без пощады».

В исторической литературе эти «запретные пастбища» обычно рассматриваются или как феодальная земельная собственность (?), или же как узурпация феодалами общинных земель в собственность; хотя самое большое о чем они могут свидетельствовать — это о праве преимущественного использования пастбищ главой раннефеодального государства в качестве платы за выполнение им общественных (главным образом военных) функций.

Некоторые позднейшие документы заставляют пересмотреть назначение этих «запретных зон». Так, в сочинении «Тарихи-ар-русул ал-мулук» ат-Табари написано, что хакан Абу Музахим (в 737 г.), получив в Навакете известие о выступлении наместника Хорасана Асада с войсками, «приказал своими людьми приготовляться. У хакана были заповедные луг и гора, к которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для войны. Протяжение луга — 3 дня и горы — 3 дня. Они снарядились, пустили скот на пастбище, выдубили кожи диких зверей и сделали из них бурдюки, изготовили лук и стрелы»¹⁴.

Как свидетельствует этот отрывок, «запретные пастбища» были предназначены для содержания скота перед военным походом (очевидно, боевых коней, а возможно, и для нагула скота, предназначенного для питания воинов). Поэтому эти пастбища охранялись от истребления скотом, а распоряжался ими только хакан, как верховный военный вождь.

Итак, эти «запретные пастбища» никак нельзя считать земельной собственностью каганов.

Однако уже в IX—X вв. собственность на землю начинает возникать, но не в районах кочевого скотоводства, а в районах развивающегося оседлого земледелия, как общинная собственность и как собственность на усадьбу и пашню, так как всякое кочевое общество, несмотря на свою застойность, имеет тенденцию к движению вперед — к более развитым формам хозяйства.

Кочевое скотоводческое общество в Казахстане также развивалось, двигаясь к оседлости, к земледелию. Первые земледельческие оазисы возникли в VI—VII вв. при кочевниках тюрках, развиваясь далее в

¹⁴ С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. VIII. Алма-Ата, 1960, стр. 76.

тюркешско-карлукский период. К X—XI вв. на территории Семиречья и в среднем течении Сыр-Дарьи уже сложились крупные города, окруженные земледельческими поселениями.

В этот период развития земледелия и городов в сельских местностях и частично в городах, несомненно, складывалась земельная община. Однако сведения о земельной общине X—XI вв. в восточных источниках крайне ограниченные, и вопрос этот пока невозможно решить. Для нас ясно только одно, что в этот период земельная община существовала, имея, очевидно, специфические формы, присущие земледельческому Востоку.

Монгольское завоевание, разрушившее города и оседлые земледельческие поселения, привело к разрушению оседлой земельной общины.

Казахстан со времени монгольского нашествия стал страной, где преобладающей формой хозяйствования было кочевое скотоводство, а общественные отношения оставались патриархально-феодальными. В это время в центральных районах Казахстана кочевание происходило в кибитках на колесах как при движении на запад до монголов, так и при монголах в XII—XIII вв. Восточные авторы XIV—XVI вв. Ибн-Батута, Шерифеддин Йезди, Рубехан и другие свидетельствуют о том, что кочевники жили и передвигались на телегах с поставленными на них юртами¹⁵. Очевидно, еще в конце XV — начале XVI в. были случаи передвижения поздней осенью по снегу.

«В середине осени, — пишет Рубехан, — когда воздух Дешт-и-Кипчака становится холодным, выпадает масса снега и наступает время подумать о зимовках, казахи направляются к своим зимним обиталищам».

Вполне вероятно, что в это время еще не было обязательных промежуточных осенних пастбищ¹⁶.

До присоединения Казахстана к России так и не произошло перехода к оседлости и земледелию, и оно не стало господствующей формой хозяйствования, поэтому прервался и процесс сложения феодальной земельной собственности на базе земледелия.

Исторические события, происходившие на Востоке и в Западной Европе после распада Золотой Орды до XVIII в., в корне изменили внешнее положение Казахстана. В XVII в. окрепло русское государство, расширились его границы — сначала до Волги, затем до реки Урала и позднее (начало XVIII в.) по Иртышу — до Алтая, тем самым завершилось присоединение Западной Сибири к России. В Средней Азии складывались на местной этнической основе феодальные государства.

В этих условиях прекратилось традиционное движение кочевников из казахстанских степей на запад, за их пределы, в поисках новых пастбищ и объектов завоевания. Местное кочевое население оказалось замкнутым на этой, хотя и обширной территории засушливых степей, и его развитие было обусловлено использованием местных производственных ресурсов.

Предполагаем, что кочевание в кибитках на колесах, происходившее в степях Дешт-и-Кипчак и в начале XVI в., прекратилось, очевидно, в середине или к концу XVI в., т. е. тогда, когда приостановилось традиционное движение на запад и началось кочевание в основном с

¹⁵ А. А. Семенов. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, Т. XII, 1954, стр. 34.

¹⁶ Там же, стр. 33.

севера на юг (по меридиану) и обратно с использованием в Дешт-и-Кипчаке одних и тех же пастбищ посезонно.

Последнее известное нам упоминание о кибитках на колесах относится к началу 1509 г., когда Шейбани-хан совершил поход в юго-восточную часть Дешт-и-Кипчака и, разбив кочевников, по свидетельству Рузбехана, захватил большую добычу, в том числе больше 10 тыс. повозок-домов¹⁷. Кочевая кибитка сошла с телеги и превратилась в жилище, перевозимое вьюком, из расчета на более длительные стоянки.

Заселенность Казахстана постепенно увеличивается, растет и поголовье скота, которое в условиях экстенсивного кочевого скотоводства по-прежнему требует больших пастбищных пространств. Постепенно использование пастбищ усложняется. Это приводит к тому, что одни и те же пастбища начинают использоваться одними и теми же родами посезонно.

Но еще в начале XVIII в. не было вполне установившегося владения пастбищами (во всяком случае летними), они еще не были закреплены за отдельными казахскими родами. Это тем более станет понятным, если учесть, что в то время происходили бурные столкновения с джунгарами, которые приводили к смещению и передвижению казахских племен. Военные набеги, столкновения и междоусобицы мешали закреплению пастбищ за родами.

П. И. Рычков в своих работах писал о том, что казахские орды — Малая и Средняя не имеют границ между своими кочевьями.

«Однако же случается иногда и то, что по оным рекам и речкам, особенно ж по Ори, Милибаю, Камышле и по другим, в реку Орь впадающим, також по Ярлыке, Кумаке и по Суюгдуке и Средней орды киргизы по нескольку кочуют. Ибо у них между собою в том никакого раздела нет, и споров не бывает. Однако ж по пространству степи так они располагаются, что иногда дня два или три, а иногда и больше конною ездою до улусов их пустоты бывают»¹⁸.

Из этого замечания Рычкова также видно, что границ в пользовании пастбищами между жузами не было, а заселенность была редкой. Даже ханы и султаны зачастую не знали, где будут кочевать подчиненные им рода и они сами.

«Киргиз-кайсацкие орды, владельцы, как и народ, — писал побывавший в 1743 г. в Меньшей орде Иван Лапин, — кочевьем своим пошли в Тургай, где и зиму кочевать намерены; Ерали же, султан, не знает, где кочевья найти, ибо степи все погорели, однако же лучше желает по Ори или по Иргизу; а Джаныбек-тархан намерен неотменно по Иргизу кочевать; а об Абулхаир-хане слышали, что он кочевье свое будет иметь на Сыр-Дарье, а о протчих неизвестно»¹⁹.

В этом отношении интересен также доклад генерал-майора Я. В. Боувера о положении дела в Среднем жузе в 1795 г., составленный для Екатерины II.

«Казахи, — пишет он, — не имеют на линии верного на зиму кочевья, ибо места занимаются ими для сего не по наследству, а по общему согласию, но самопроизвольно. Перекочевав на оных зиму, возвращаются в степь, не дав знать, будут ли паки на зиму на те же места. От сего кто прежде прибудет, тот и занимает лучшее кочевье, другие же, опоздав, не находят уже своих выгод и, злобствуя на первых, вы-

¹⁷ Там же.

¹⁸ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1877, стр. 98.

¹⁹ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1773, д. 3, лл. 119—123.

жигают траву, лишая через то скот на зиму корму, вредят лесам, а иногда и селениям, на начальников ее имеют негодование»²⁰.

Как видно отсюда, Я. В. Боувер для конца XVIII в. фиксирует захватное право землепользования у казахов.

Непрерывные войны и междоусобицы, столкновения и барымты даже в XVIII в. приводили к таким передвижениям кочевников, которые делали невозможным использование ежегодно одних и тех же пастбищ. В этом отношении характерно заявление батыра Букенбая, одного из инициаторов принятия российского подданства, Тевкелеву. Он говорил: «Киргиз-кайсацкой народ от худых своих людей, беспокойных поступков разбился и расселился, и разорился; когда джунгарские калмыки нападут — побегут в сторону, а башкирцы нападут — уходят в другую сторону, а волжские калмыки и яицкие казаки, и сибирское войско нападут, тогда уже бежать и места себе не находили, принуждены были от своего непостоянства кто куда попасть мог успеть, разбрестись. И о том о всем он, Букенбай-батыр, знает»²¹.

Как видно из этой цитаты, в условиях джунгарского нашествия и междоусобиц начала XVIII в. казахи не имели постоянных, четко определенных кочевий. Нужно учесть, что подобные же междоусобицы и войны были и до этого. Вся история казахских жузов, начиная со времени сложения первых казахских ханств, была историей непрерывных междоусобиц, походов и отступлений. Можно ли говорить в данном случае о каких-то установившихся феодальных землевладениях, ханских или султанских «вотчинах»? Очевидно, нет. Невозможно писать о каких-либо определенных границах землепользования для того или иного рода в условиях их непрерывных передвижений. Можно говорить лишь о коллективном родовом пользовании пастбищами. Но, конечно, это положение должно было изменяться в том случае, когдадвигающиеся на запад племена занимали определенную территорию кочевания. Определенность в использовании одних и тех же пастбищ появляется только после присоединения Казахстана к России, когда прекращаются нападения джунгар, взаимные набеги и барымта, затихают междоусобицы, сокращаются передвижения родов.

Несмотря на то, что в этих, еще не стесненных условиях кочевания занятие пастбищ было ничем не ограничено, кроме того, что ими кто-нибудь уже пользовался, кочевание регулировалось представителями власти — ханами, султанами, старшинами. Руководители родов, а иногда ханы и султаны давали указания, когда начать кочевку, какие пути избрать. Они же решали вопрос о спорных пастбищах и т. д. Это распределение кочевых путей и пастбищ внутри рода между группами аулов и, наконец, между родами, было неизбежным и необходимым условием пастбищно-кочевой системы: в противном случае вся система кочевания была бы нарушена. Начался бы хаос, неразбериха в землепользовании, что привело бы к хищническому истреблению пастбищ и гибели скота. Такое регулирование тем более было необходимо в условиях непрерывных внутренних междоусобиц, нападений извне и межродовой вражды и т. д. В бесклассовом обществе этим руководил старейший рода, родовой вождь. В классовом обществе руководство кочевками, регулирование сложной системой кочевания перешло к феодалам: султанам, биям, батырам, старшинам — политическим руководителям общин. Это право руководителей общин, родов, объединений родов и т. д. получило в литературе название «права распоряжения ко-

²⁰ Там же, 1794, д. 2, лл. 36—41.

²¹ Там же, 1743, д. 4, л. 10.

чевьями». К сожалению, оно было весьма преувеличено историками, которые увидели в нем феодальную собственность на пастбища. Нет необходимости говорить о том, что право распоряжения является лишь одним из элементов слагающегося права собственности. Право собственности включает в себя право пользования, право распоряжения, право владения и право отчуждения, которые по своему содержанию не являются тождественными.

Когда феодал, султан, хан указывал места кочевок тем или иным биям или когда аксакал — старшина указывал места кочевок для отдельных хозяйств, то отнюдь не потому, что эта земля являлась его собственностью, а в силу необходимости выполнять общественную функцию регулирования использованием пастбищ. Те примеры, которые обычно приводятся, чтобы показать, как султаны распоряжались кочеванием своих подданных, свидетельствуют о том, что эти распоряжения относительно кочевий ничего не имели общего с феодальной земельной собственностью. Так, например, Галдан-Церен в 1741 г. требовал от султана Среднего жуза подчиняться его указаниям при выборе района кочевок, но совсем не потому, что эти пастбища были его собственностью, а потому, что он стремился держать султанов поближе к себе, на известных ему местах и таким образом усилить их подчиненность. Приводится также пример из более раннего периода. Так, ссылаются на Мухамеда Хайдара, который, рассказывая о свидании хана Касыма с моголистанским ханом Султан-Сеидом, пишет: «... дело клонилось к зиме, и казахи по распоряжению Касыма двинулись на зимовки». Это распоряжение Касым-хана некоторые авторы считают доказательством того, что вся земля была его собственностью²².

Даже если бы такое указание хан Касым не давал, казахи все равно должны были бы отправиться на зимние кочевья, так как оставаться на летних зимой было невозможно — на вытравленных пастбищах мог бы погибнуть весь скот. Касым лишь определил время движения на зимние пастбища, которое вытекало из хозяйственной необходимости, руководствуясь политическими соображениями, в данном случае тем, что встреча с Султан-Сеидом произошла и оставаться на прежнем месте уже не имело смысла.

Вообще движение с летних кочевок могло начаться раньше, чем это делалось обычно, но могло иногда немного задержаться. Это определялось большей частью погодными условиями и тем, какой — ранней или поздней была осень или зима. Но при этом могли быть и политические мотивы, например, стремление избежать военного набега соседей и др. Вместе с тем надо отметить, что так называемое «право распоряжения» кочевьями и распределение их носило довольно условный характер. Как видно из материалов первой половины XIX в., общее направление кочевых путей и зимовки родов были определены.

Утверждение некоторых авторов о том, что ханы и султаны распределяли между родами кочевья перед перекочевкой ежегодно²³, является досужей выдумкой, не подтверждаемой никакими документами.

Это было невозможно в практике кочевого хозяйства при разобщенности политической власти ханов и султанов и ее неустойчивости, при территориальной разбросанности родов и т. д. Если бы это происходило в жизни, то оно нашло бы отражение в документах того времени. Перераспределение пастбищ наблюдалось только в тех случаях,

²² А. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961, стр. 64.

²³ С. В. Юшков. К вопросу о феодальной собственности в досоветском Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 9.

когда из-за неурожая трав какой-либо род вынужден был пускаться между своими аулами инородцев, что обычно не проходило без споров и вмешательства султанов, биев и ханов. И совсем нельзя говорить о перераспределении кочевий в первой половине XIX в., ибо все источники того времени свидетельствуют о том, что кочевья и пути перекочевок уже не менялись: где кочевал, например, род шекты или табын в начале XIX в., там он оказывался и в середине XIX в.

Итак, первоначально кочевое скотоводческое хозяйство не знало границ земельных угодий, и само пользование ими отличалось полной неустойчивостью. Каждая группа хозяйств могла занять любые пастбища на никем еще не захваченной в этом сезоне земле, чтобы пользоваться ими в течение того времени, какое необходимо для прокормления стад.

Такое положение характерно и для оседло-земледельческих стран. Общине предшествовали не частное землевладение и землепользование, а свободное пользование землей, когда каждый мог занять любое пространство никем ранее не захваченной земли и пользоваться ею до тех пор, пока в этом была необходимость, а затем бросить ее и перейти на другое место. В этот период еще нет регулирования землепользованием со стороны объединенных между собою групп хозяйств.

Положение изменяется тогда, когда увеличиваются население и стада, когда в связи с этим кочевники сокращают друг у друга площадь производства, т. е. пастбища, и когда неограниченных пространств, которыми они располагали раньше, уже нет.

Это происходит в конце XVIII—начале XIX в. с разной интенсивностью и несколько разновременно в разных районах. XIX век был в земельном отношении периодом медленной, но непреодолимой ломки старых форм земельных отношений и зарождения новых форм, ранее неизвестных в кочевом производстве.

Дореволюционные исследователи начала XX в. четко определили этапы этого процесса.

«Сущность изменения земельных форм в киргизской степи до сих пор заключается в обособлении земельной собственности: сначала род обособился от рода, затем внутри начали обособляться мелкие родовые единицы, наконец, по отношению к некоторым угодьям (ценные оберегаемые пастбища, покосы) обособление дошло до предела, т. е. до семейной собственности»²⁴.

Сначала под влиянием сужения площади производства, занятой под кочевое скотоводство, в связи с постепенным переходом к оседлости и земледелию, возникает такое положение, когда отдельные рода и племена стали использовать определенные пастбища. Появляется стремление обособить пастбища с целью ограждения их от использования другими родами, стремление закрепить эти земельные пространства за собой.

В этот период возникает форма родового землепользования, которое является в основном захватным, так как еще свободно практикуется принцип первого завладения пастбищами. Совершалось это не одновременно во всех районах, ибо сам процесс сужения площади производства происходил в разных районах неравномерно, что определялось многими как внутренними, так и внешними условиями (движение населения и его прирост, увеличение количества стад, периодичность урожая-

²⁴ П. Хворостанский. Развитие форм землепользования в зависимости от хозяйства. «Тургайская газета», 1906, 26 марта.

ев и неурожаев трав и т. д.). Процесс этот мог быть медленным или быстрым. Процесс сужения площади кочевого производства в Казахстане после присоединения его к России стал протекать быстрее в связи с колонизацией казахских степей русским государством и последующим переселением сюда крестьян, развитием земледелия, русских сел и городов.

Стремление к обособлению кочевий для своего рода стало известно пограничным властям еще в середине XVIII в., когда отдельные казахские старшины старались добиться обособления в свою пользу при помощи русских властей. Так, командир Троицкой крепости майор И. Рененкамф в своем рапорте от 31 марта 1753 г. сообщал в Оренбургскую губернскую канцелярию, что батыр Кульсара «объявил, что они [т. е. казахи, подчиненные батыру] намерение имеют просить об отмежевании им по заречной стороне на поселение в удобных местах окружностей, дабы каждый род свою землю и отвод имел, где они, хотя не все, однако ж несколько желают и строение производить, и чтоб по отмежевании из роду в род земли и угодий не давать, но довольствоваться каждому своим отводом, и для того совету они Аблай-султана весною ожидают, который-де непременно в Троицкую будет; и о вышеописанном с просьбою в Оренбург нарочных пришлют»²⁵.

В это время завершается сложение пастбищно-кочевой системы с посезонным чередованием в использовании одних и тех же пастбищ родами.

Пока еще нет четкого ограничения пастбищ, слишком еще много свободной земли, хотя и различной по качеству травостоев. Здесь нет общины в том ее понимании, как она определяется ее социально-экономическим характером у оседлых крестьян-земледельцев.

Остановимся теперь подробно на этом процессе изменения отношений к земле у кочевников.

Уже в начале XIX в. начинается изъятие пастбищных земель сначала для казачьих линейных поселений, а затем для крестьян-переселенцев. Отбирались пастбищные земли, расположенные по берегам рек и озер. Так была изъята большая полоса земли по левому берегу реки Урала для Уральского казачьего войска, затем, в начале 30-х годов, между реками Илеком и Уралом. Здесь в результате выпрямления военной линии между Троицком и Орском и образования так называемой «Новой линии» у казахов было захвачено 10 тыс. квадратных верст земли. Сюда в форпосты стали переселять казаков со Старой линии, затем началось заселение территории между этими линиями. В 1844 г. здесь было уже 33 казачьих станицы. Казакам-новопоселенцам отводилось по 30 десятин земли на душу для постоянного пользования и по 15 десятин в запас на прирост населения, и, кроме того, к каждой станице прирезалось земли в запасный фонд на случай приселения (на 50 душ из того же расчета). Однако казаки-переселенцы не ограничивались отведенными им земельными участками, а пользовались любыми угодьями (как для сенокосов, так и для посева), расположенными между линиями. Здесь же между линиями захватили себе сенокосы и казаки из двадцати станиц со Старой линии. Казахи, кочующие внутри линии, остались без сенокосных угодий, а в это время, по подсчетам Оренбургской пограничной комиссии, здесь находилось до 7 тыс. казахских хозяйств.

Вполне уместно привести еще один документ, характеризующий положение казахов, кочующих между Новой и Старой линиями. Это жало-

²⁵ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1753, д. 3, лл. 14—16.

ба казахов-джегалбалинцев правителю Средней части орды Араслану Жантюрину.

«Неизвестно почему с 1847—1848 гг. с заведением на уральской стороне номеров [казахи имеют в виду дистанции] между Старой и Новой линиями, в особенности от Орской крепости до дистанции города Верхне-Уральска, лишили нас всех лучших сенокосных и хлебопахотных мест. Кроме того, жители номеров во время зимы не позволяют нам пасти скот наш на тебеневках, говоря, что земля эта принадлежит им, мало того, что воспрещается пасти скот наш сказанными жителями, но даже оные угрожают вытеснить нас самих с мест, нам принадлежащих». Казахи далее просят отдать им обратно летние и зимние их кочевья и добавляют: «Если... мы будем вытеснены с мест, которыми издавна владели и на которых рождены, на места неудобные, то невольно должны будем лишиться всего состояния и не должны будем предвидеть возможности приобретать скот и вести жизнь свою по-прежнему»²⁶.

Однако ни эта, ни подобные ей просьбы ни к чему не приводили. В лучшем случае казахам отводили между линиями небольшие клочки земли, где могли расположиться не более 20—25 кибиток. Поэтому казахи вынуждены были уходить отсюда далее в глубь степи. Уходя, они попадали на кочевья других родов. Таким образом, казахи одной части жуза заходили на кочевья другой, один род — на кочевья другого; возникали споры, волнения. Пограничные власти пытались установить границы между территориями всех трех частей Малого жуза, «так как в последнее время начинает возникать из поземельного пользования много недоразумений со стороны киргизов и со стороны их начальства»,²⁷ но из этого ничего не выходило.

В 30—40-х годах в Среднем жузе открываются внешние округа и появляются первые казачьи станицы, для которых также отчуждаются казахские земли. Еще раньше большое количество земель было изъято в Среднем жузе после устройства Горькой (Иртышской) военной линии. На севере Казахстана возникают первые русские поселки, которым отводится удобная, лучшая земля.

Изъятие пастбищ на севере приводило к нарушению пастбищно-кочевой системы и меридиональности кочевания. Тот или иной род, отделение, аул, лишившись кстау или жайляу, вынужден был довольствоваться худшими землями, которые считались принадлежащими другим родам и аулам. Занятие земель, находившихся в пользовании других родов, сопровождалось так называемой «межродовой» борьбой. В большинстве случаев под внешней формой ее скрывалась ожесточенная борьба за землю, за пастбища. Баи не оставались в стороне от этой борьбы, наоборот, они возглавляли и искусственно разжигали ее, ибо захват новых пастбищ у слабых «родов» был прежде всего в интересах самих баев, которые в процессе этой борьбы всегда выигрывали, захватывая лучшие участки.

Иногда баи использовали зависимых от них крестьян для захвата пастбищ у казахов, подчиненных другому баю. Но и в этом случае борьба между феодалами также проходила под видом «межродовой» борьбы. Она, конечно, не являлась выходом из создавшегося положения, а, наоборот, вела к ухудшению положения общинников, которые в результате барымты и набегов лишались скота. Земли становилось меньше,

²⁶ ЦГА КазССР, ф. 4, д. 3316, лл. 138—140.

²⁷ Там же, 1855, д. 4414, л. 28, 29 об.

чем было раньше, скот испытывал недостаток в пастбищах, учащались джуты и т. д.

Сокращение общей площади пастбищ не могло не отразиться на развитии скотоводства. Кочевое скотоводство в его наиболее экстенсивной форме становилось затрудненным.

Этот процесс еще с большей силой проявляется в связи с увеличением поголовья скота во второй половине XIX в. Так, в одном из источников конца XIX в. отмечается: «Количество скота быстро растет, и в настоящее время (1886 г.) нередко раздаются среди киргизов голоса, указывающие на недостаток мест, в особенности на недостаток сенокосов и зимних стойбищ»²⁸.

В отдельных районах Казахстана к концу XIX в. недостаток пастбищ был такой, что негде стало содержать скот. Вот что писали в 1879 г. управители казахских аулов и бии 11 волостей Туркестанского уезда: «В настоящее время киргизы нашего уезда... до такой степени стеснены, что через 2—3 года не в состоянии будут пропитывать себя, и легко допустить, что оставят навсегда Туркестанский уезд. И в самом деле, если войти в киргизский быт, то можно вполне убедиться, что киргизы более ничем не занимаются и тем только существуют на белом свете. При настоящем же положении нет никакой возможности существовать»²⁹.

Отсюда возникает стремление у отдельных подразделений, общин, групп обособить в свое пользование определенные пастбища, которые в условиях господствовавшего в степи свободного захвата всегда могли быть заняты другими. В первую очередь это обособление происходило по отношению к зимовкам. Объясняется это тем, что зимовые места для содержания скота должны были отвечать определенным физико-географическим условиям. Они приобретали ценность еще и потому, что зимой, как известно, мелкий скот перегонять на далекое расстояние нельзя. Таких зимних пастбищ, которые бы отвечали этим требованиям, было значительно меньше, чем летних.

Дореволюционные исследователи кочевого хозяйства вполне определенно отмечают причины этого.

«Потребность в таком регулировании землепользования явилась только тогда, когда значительно сократились зимние кочевки и многие хозяева начали ежегодно приходить на одно и то же место и проводить на нем несколько зимних месяцев»³⁰.

В процессе обособления пастбищ в пользование отдельных родов и подразделений обособились и кочевые пути с летовок на зимовки и обратно. «Вся степь как бы разбита на длинные и узкие полосы, вытянувшиеся на сотни верст в направлении либо с юга на север, либо от жарких долин на горные летние пастбища; и каждая такая полоса представляет собою обычный кочевой путь или район кочевков той или иной родовой группы. И такое чисто фактически обычное обособление кочевых путей и стоянок между родовыми группами при безусловной юридической свободе пользования было делом чисто хозяйственной необходимости: «Отдельные кочевые аулы, состоящие обыкновенно из 2—5 кибиток и составляющие в сущности одну большую семью, путешествуя на протяжении сотен верст по безлюдным и диким местностям, естественно, должны были придерживаться тех путей, где они чаще могли

²⁸ «Материалы по казахскому обычному праву». Алма-Ата, 1949, стр. 164.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 3554, л. 12.

³⁰ Материалы по киргизскому землепользованию... Усть-Каменогорский уезд, Т. V. Воронеж, 1903, стр. 13.

встретить или настигнуть своих родственников, которые в случае какой-либо опасности: нападения крупных хищников или грабителей из других орд или племен, могли бы оказать помощь или защиту; при обширности пространств, находившихся некогда в пользовании кочевого населения, и при относительно ничтожной численности его, интересы всех и каждого заставляли поддерживать родственные связи, как единственное средство самозащиты»³¹.

Одновременно с обособлением пастбищ по родам происходит обособление их по группам хозяйств или хозяйственным аулам, сначала зимовок, а затем летних пастбищ из общих пастбищ рода или отделения. Как известно, кочевание большими массами с одних пастбищ на другие невозможно, оно ограничено определенным количеством скота, которое может прокормиться на пастбище. Поэтому внутри каждого рода сложились мелкие группы хозяйств, которые совместно проводили зимовку, совместно совершали кочевку. Эти группы были объединены родственной связью, понятием общей принадлежности к роду (руу), тайпа, атабаласы, но обычно не дальше третьего колена. В эту группу иногда входили и чужеродцы, принявшие покровительство возглавлявшего род бия, старшины. На лето иногда одни и те же группы объединялись вместе, в один аул, но в таком количестве, какое допускал совместный выпас их стад. Количество объединяющихся в такие хозяйственные группы кочующих совместно хозяйств было различным, определялось оно опять-таки количеством имеющегося в них скота. В отдельных случаях это могло быть 5—6 хозяйств, в других—10—12, а чаще — до 50 хозяйств разного социального и имущественного положения. Они пользовались определенными пастбищами, которые не занимались, как правило, другими хозяйствами. Их землепользование регулировалось обычным правом. Надо сказать, что пока границы пастбищ еще не уточнялись, определялась в основном стоянка, пункт, на котором воздвигалась юрта и при ней находился «орыс», т. е. пастбища, которые служили для выпаса мелкого скота.

«Признаком принадлежности стоянки аулу служит помет зимовавшего здесь скота, откуда и само название таких зимних стоянок — «коун», т. е. уплотненный, растоптанный помет; если киргиз проведет на каком-нибудь месте зиму со своим скотом, оставит там «коун», так на будущую зиму он имеет право считать эту стоянку своей. По величине «коуна» можно судить о количестве на нем пасшегося скота, а следовательно, можно приблизительно определить и пространство окружающих пастбищ, которые используются этим скотом (орыс), что в свою очередь определяет местности, где могут быть основаны новые стоянки без стеснения скота первого зимовщика и последующих»³².

Вот эти группы хозяйств, объединенных между собою родством и соседством и правом совместного землевладения и землепользования одними и теми же пастбищами из сезона в сезон, из года в год, регулируемого обычным правом, и являлись пастбищно-кочевой общиной.

Остановимся теперь на вопросе о взаимосвязях рода и общины.

Как известно, Казахстан делился на три части, которые носили название «жузов»: Улу жуз (Большой, или Старший жуз), Орта жуз (Средний жуз), Кши жуз (Малый жуз). В каждый жуз входили определенные роды.

В XVIII—XIX вв. Большой жуз состоял из следующих основных родов: Уйсун, Канглы, Дулат, Атбан, Джалаир, Чапрашты, Суан, в

³¹ Материалы... Кустанайский уезд. Т. V, стр. 10.

³² Там же, стр. 26.

Средний жуз — Аргын, Найман, Кипчак, Уак и Кирей. Младший жуз разбивался на три поколения: 1) Алимуды, состоявшего из шести родов: Карасакал, Каракисек, Кете, Торткара, Шомекей, Шекты; 2) Байуды, — из двенадцати родов: Адай, Жаппас, Байбахты, Маскар, Берыш, Кызляр, Исентемир, Серкеш, Тапа и другие; 3) Джетыруу, — из семи родов: Табын, Тама, Кердери, Джегайбалы, Керейт, Тляу, Рамадан. Деление жузов на эти роды являлось весьма относительным. Еще до присоединения Казахстана к России большинство казахских родов, бывших искусственными образованиями, к середине XIX в. раскололось на несколько новых родов, отпочковав от себя подроды, которые также стали считаться и называться родами. Причины этого мы постараемся вскрыть дальше.

Каждый кочевник-скотовод считал себя принадлежащим к какому-либо роду.

Казахский род XVIII—XIX вв. имел совсем иное содержание, чем кровнородственный союз периода родового строя. Род в это время уже не являлся союзом кровных родственников. Этот факт с достаточным основанием отмечают как у казахов, так и у киргизов некоторые исследователи дореволюционного Казахстана. Так, например, А. Харузин пишет о казахских родах Букеевской орды следующее: «... вообще является более естественным считать киргизские роды за роды, так сказать, искусственные или сводные, т. е. что существующий иногда союз принимал в свою среду элементы со стороны добровольно или по повелению властителя, как, например, Чингисхана»³³.

Н. Аристов отмечает, что в состав родов входили не одни только родственники — это была весьма пестрая смесь выходцев из разных родов и даже целые группы иноплеменников³⁴.

Далее Н. Аристов говорит следующее:

«Родом (руук, ру) у киргизов — казахов и каракиргизов называется, с одной стороны, всякая из родовых ветвей и подразделений, но так как родовые деления и группы имеют политически-общественное значение, сверх кровного, иногда преобладающее, то слово род утратило свое строго родственное значение»³⁵. Уже с самого начала сложения казахской народности род находился на той стадии, когда «его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»³⁶.

В условиях патриархально-феодалных отношений род, так же как и многие другие институты первобытнообщинного строя, был приспособлен к новым классовым условиям и поставлен на службу формирующемуся классу феодалов. Он принял совершенно иное, классовое содержание.

Если в условиях первобытнообщинного строя род базировался на коллективной собственности на скот и совместном производстве рода, то теперь при частной собственности на скот и индивидуальном производстве отдельных семей, он стал органом господства и подчинения,

³³ А. Харузин. Киргизы Букеевской орды. Вып. 1, М., 1870, стр. 153.

³⁴ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. «Живая старина», 1896, вып. III/IV, стр. 393.

³⁵ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов. Спб., 1895, стр. 57.

³⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах. Т. II. М., 1948, стр. 297.

превратившись в надстройку кочевого патриархально-феодалного общества³⁷.

Во главе каждого рода или нескольких родов стояли султаны чингизиды, которые не входили в состав рода, так как считались «белой костью», т. е. власть султанов приурочивалась к родам. Иногда род был разбит на несколько частей, которыми управляли султаны, происшедшие от одной ханской фамилии. Так, например, многочисленным родом Кипчак в первой половине XIX в. управлял не один султан, а несколько. Были султаны, под властью которых находились тысячи хозяйств, были и такие, которые имели под управлением меньше — несколько сотен.

Старшины, бии, батыры и более мелкие родоуправители входили в состав родов и подчинялись султанам.

Только наиболее крупным бытырам и биям удавалось избавиться от подчинения султанам и управлять родами самостоятельно. Такими батырами в XVIII в. были, например, Бокенбай, Исет, Джаныбек, в середине XIX в. — Исет Котибаров, управлявший одной частью рода Шекты, Данхожа Нурмухамбетов, возглавлявший другую часть рода Шекты (Кичкине Шехты — Малые шекты) в количестве 3500 хозяйств (до 17 тыс. человек).

Самостоятельными феодальными владельцами были также батыры Сююнкара, Араслан (Малый жуз), Суранчи (Большой жуз). Мелкими родами управляли бии-родоначальники. Родоуправители бии, баи, батыры боролись между собой за власть над родами. Если в каком-нибудь роде из среды феодалов выделялся новый бий и приобретал все большее и большее влияние, он старался стать независимым от бия, который управлял родом или отделением. С этой целью он стремился увести с собой часть казахов рода на отдельные кочевья. Если у него было для этого достаточно богатства и влияния, это ему удавалось. Таким образом от основного рода отпочковывались части рода, подчинявшиеся только «своему» бию (баю), который становился родоначальником. Так возникали новые «рода» и отделения, получавшие обычно название по имени возглавившего их бия.

Этот процесс возникновения «родов» у казахов в конце XIX в. отмечает В. В. Радлов. Ниже приводим его свидетельство.

«Так как кочевой народ совсем не имеет понятия о выборе главнейшим голосованием, то власть бия есть, в сущности, всегда власть захваченная силой известной семьи или ее представителем, которую другие признают лишь понуждаемые к тому обстоятельствами. Влияние бия не ограничивается отправлением им судебных обязанностей, но простирается на все дела общественной группы, которая ему подчиняется. При столь непрочной общественной связи, само собой разумеется, значение подплемени возрастает со значением и влиятельностью руководящего им бия. Благодаря ему связь между аулами укрепляется, подплемя получает большое влияние сравнительно с другими подплеменами: отдельные семьи, даже целые аулы присоединяются к нему, так как находят в этой новой общине лучшую защиту своих интересов. Таким образом возникают часто из новых, вначале незначительных подплемен, благодаря личному влиянию биев, сильные влиятельные общины; имя бия становится для этой общины новым племенным име-

³⁷ См.: В. С. Батраков. Особенности феодализма у кочевых народов. В сб.: «Научная сессия Академии наук УзССР». Ташкент, 1947; его же. О воспроизводстве родовых отношений у кочевых народов Средней Азии. «Известия АН УзССР», 1949, № 3.

нем, которое не утрачивается и после смерти бия. Такой процесс нам случилось наблюдать к югу от Бухтармы у самостоятельных, независимых ни от России, ни от Китая, «каратайцев»³⁸.

Бий, отделившийся таким образом с частью кочевников от рода, находившегося под управлением какого-либо бая, получал монопольное право управления ими и суда над ними, т. е. монопольное право эксплуатации.

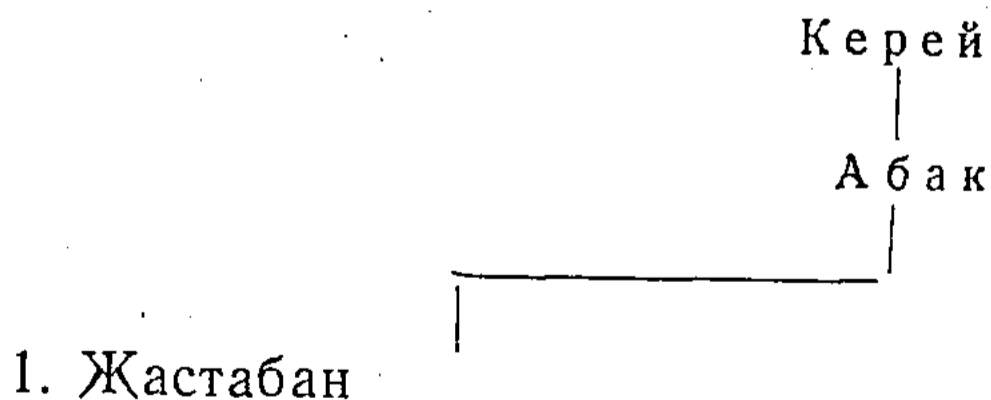
Для подтверждения сказанного приведем выдержку из одной статьи Г. Загряжского, изучавшего вопрос об искусственном образовании киргизских родов.

«Принадлежность киргиза к тому или иному роду не есть постоянная и неизменная. Стоит кому-нибудь из них перекочевать из земли сарыбагышей к султам, он уже не называется сарыбагышем, а становится султом; перейдя к саякам, становится саяк... Но это можно сказать только о простом народе, о бохаре... Разделение же на роды сохраняют манапы и строго их держатся. Появление нового отдела зависит от появления нового батыра: около него собирается дружина удалцов, его именем прикрывается несколько бедняков и называют себя его детьми, отсюда происходят названия: дети Каная, Карабека, Карбуза, Сарыбагыша и т. д. Отец передает сыну свой народ, который он успел связать с собой привычкой к грабежам, общими счетами по баранте, и вот является новый род: канай, карбуз и т. д. Появление многих родов очень недавнее — одно-два поколения, даже теперь формируются новые роды. Так, отделение канай распадается на три: байтысовы дети, башкеевы и байсеитовы дети. Колена башкеев и байсеитов отошли на Талас, и поэтому два последние часто носят общее название башка-байсеит. Манапы, от имени которых теперь начинают различаться некоторые новые каракиргизские отделения, все живы и все родные дети Каная»³⁹.

В связи с тем, что в середине XIX в. происходит дробление родов, появляется много новых отделений, которые со временем становятся также «родами», принимая новое название «родов».

Так, например, из рода Кипчак выделяются «роды» Джолода, Курисут, Утелсары, Кожан, Кажибек и др. В свою очередь эти так называемые «роды» делятся на ряд отделений: Кулубаш, Кочаке, Абулкасым и т. д. Характерно, что в большинстве случаев названиями новых «родов» и отделений являются имена собственные тех баев, биев, которые первоначально возглавляли эти отпочковавшиеся «роды».

Вот более подробное деление рода Керей, явившееся результатом отпочкования от него частей, ставших родами. Как мы можем заметить, почти каждый из этих родов имеет свои подроды, ставшие родами (например Бегназар). К этому надо добавить, что кроме подрода Абак, Керей имел и другие ветви (например, Ашамайлы), которые в свою очередь разбивались на ряд родов, как и Абак.

³⁸ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. Спб., 1893, стр. 60—70.

³⁹ Г. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 10.

2. Алдакадыр
3. Коянак
4. Кутыке
5. Бегимбет (Бегназар, Косай)
6. Бегназар (Кожегельди, Кудайберди, Жэукер, Қойлыбай)
7. Кожегелди (Жамбай, Алгабай, Қолибай)
8. Жамбай (Есембай, Айбас, Манабай, Жарылгап)
9. Есембай (Болек, Есембай, Едилбай, Байган)
10. Болек
11. Мынгат
12. Божей (Муратбек, Экебай, Рахымбай, Ахан, Мухаметбек)

Вот эти мелкие родовые единицы, появившиеся в результате отпочкования от основных родов, их дробления и образования новых, и составляли земельную общину казахов. При увеличении населения общины образовывались новый «род» и новая общинная группа.

Подтверждение этому можно найти в списке общин Акмолинского округа (до 200 общин), состоявших более чем из 9 тыс. хозяйств (1847—1850 гг.)⁴⁰. В этом списке указано, к какому роду принадлежит каждая община, состоявшая обычно из 40—60 хозяйств (один или два аула). Составители указывают над списком общины отделение, род, часть рода. Например, отделение Айдарбул, род Алиб, часть Қойтору, или: отделение Алачачек, род Токбура, часть Сеит и т. д.

Как видно из самих названий эти отделения, рода и части — ответвления от какого-то большого рода (Кипчак, Аргын и т. д.). Каждая община имеет свое родовое наименование, обозначаемое составителями как «часть». Причем характерно, что во всем списке нет двух общин одного «рода» или «части».

Сведения о принадлежности общин к вторичным, третичным и т. д. родоподразделениям в большом числе приведены в материалах обследований казахского хозяйства Ф. Щербины и П. Румянцева.

Приведем одну из таких таблиц об общинах рода Найман:

			Найман			
			Окреш			
			Сугурче			
			Қтай			
			Толегетей			
			Қаракерей			
			Байторы			
			Баис			
			Сары (от Мурун)			
{	Баргана	Аюбас	Джанибек	Калыбай	Мурзабек	Маргул
	1	1	3	1	1	2
	Айбас	Кармыс	Бакы	Тныбек	Алтыбай	Боркы
	2	2	1	1	1	1
			Быте			
			Чакаман			
			Байболат			
			Есполай			
			1			

Из этой таблицы видно, какое количество общин входило в то или иное подразделение (количество проставлено под наименованием подразделения). «Род» мог состоять из одной, двух, трех и более общин —

⁴⁰ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 5103 (все дело).